

Въ домѣ было тихо; мы прислушивались, какъ осенний вѣтеръ завывалъ на всѣ лады, сливаясь съ соннымъ плачомъ малышей, которые жили за стѣной нашей комнаты.

И какое сладкое и унылое настроение было въ эти тихіе вечера! Чувствовалось грустное усыпленіе, и сердце, еще не испорченное жизнью, было открыто на все хорошее. И въ эти минуты хотѣлось, чтобы всѣ любили насть—и Лиза, и le comte, и гувернантка Сарра Ивановна, и старая служба Трифоновна,—всѣ, всѣ!

IV.

Въ началѣ сентября мы пріѣхали въ Москву, куда пріѣхалъ и Левъ Николаевичъ.

Вечеромъ 16 сентября онъ отдалъ моей сестрѣ Соnѣ письмо, въ которомъ просилъ ея руки, а на другой день всѣмъ, пріѣзжавшимъ поздравлять мать и ее съ имянинами, объявляли о помолвкѣ. Общее настроение портило недовольство нашего отца, ожидавшаго и желавшаго свадьбы старшей сестры.

Не буду описывать время жениховства. Оно всегда томительно. Суета съ приданымъ, поздравленія, вывѣска жениха и невѣсты и неловкое ихъ положеніе,—все заставляло жалеть сокращенія этого времени.

Вѣнчаніе было назначено 23 сентября въ Кремлѣ, въ Придворной церкви, куда мы двѣтьми ходили почти каждое воскресенье. Изъ близкихъ Льва Николаевича были на